

"Май, а жарко, как в июле..."

* * *

Первоапрельские шутки вполне
кажутся мне остроумными,
нравится пить мне вино наравне
со стихотворцами юными.

Девичьей туфельки острый носок
в сердце мое упирается,
Доброй Надежды как будто мысок
синей волной омывается.

* * *

Дождался наконец минуты счастья
и, вытянувшись в полный рост, уснул.
Чтоб в случае возможного ненастья
не утонуть, галоши натянул.

Садовая скамейка сучковата,
она слегка узка и коротка.
А если у тебя в руках лопата,
а если в них мотыга иль кирка!

Но сон на воздухе, на солнышке весеннем,
когда окончен непосильный труд,
невероятным кажется везеньем.
Друзья завидуют и с горя водку пьют.

* * *

Прислушиваясь к шороху шагов,
случается услышать крыльев шум.
От запаха домашних пирогов,
дотоле ясный, помутился ум.

Я Ангела размером с воробья
увиджу вдруг на веточке в саду,
Господь пошлет за мною муравья,
чтоб отыскал мураш меня в аду.

* * *

Тот матерьял особой прочности,
что весь ушел на небосвод,
казалось мне, такой же в точности
скрывает выпуклый живот.

Надежно лоно материнское,
казалось мне, защищено,
от жара солнца палестинского
укрыто бережно оно.

Я принимал на веру разную
нелепицу про мир иной,
а он — под блузкою атласною —
внутри тебя, передо мной.

* * *

Больше нам разговаривать не о чем.
Что такое *суперфосфат*,
я забыл и кажусь тебе неучем,
только в этом я не виноват.

Вся вина на учителя химии!
Принужден я любимой соврать,
чтобы Пушкина светлого имени
без нужды лишний раз не трепать.

* * *

Сырым холодным утром хочется,
чтобы меня убили сразу,
не гнали, как разнорабочего,
чуть свет на овощную базу.

С подобной просьбой к Богу — совестно
соваться в светлые чертоги,
а к черту в пекло — как-то боязно,
боюсь, в смоле увязнут ноги.

Нет в царской милости сомнения,
но мы не вхожи в терем царский,
поскольку должного почтения
у нас нет к челяди боярской.

* * *

Мелькают вязаные чепчики,
как стаи рыбок под мостом,
как будто крошечные птенчики,
преследуемые котом.

Но если мы в одно мгновение
перенесемся вглубь веков,
увидим — на море волнение,
свет тусклый из-под облаков.

В глухом подлеске скажут ящери
друг с дружкой наперегонки,
там треск стоит, как будто ящики
сколачивают мужики.

* * *

Снег сошел и тотчас стало ясно —
после нас осталась куча хлама,
так что личность темная напрасно
целый день в нем роется упрямо.

Сколько алюминиевых банок
нужно, чтобы самолет построить,
чтобы среди прекрасных бразильянок
человеку сердце успокоить!

Надоело в мусоре копать.
Молча он садится на ступеньки,
а кому-то может показаться,
будто он встает на четвереньки.

* * *

Все сплошь банальности — и журавлиный клин,
и на ветру березовая роща.
К тому, что в целом мире ты — один,
должно быть, нужно относиться проще.

Не стоит на ночь глядя свет включать,
и привлекать к себе кровососущих.
Нам не пристало золотом бренчать,
тем самым оскорбляя неимущих.

* * *

Природа поднялась до уровня искусства,
скучны нам стали здешние холмы.
Принуждены от этого занудства
бежать с тобой под кров родимый мы.

И вот уже Москва передо мной в тумане,
как Китеж-град, всплыла из глубины.
Дай рубль займа мне, добрый горожанин,
давай гульнем по случаю весны!

* * *

Слоновьи в реке отражаются ноги
и панцирь большой черепахи.
На ветках сидят сизокрылые боги,
как будто небесные птицы.

Картинки, рисуемые подсознанием,
лишь в мелких деталях разнятся,
когда мы ни свет ни заря — утром ранним
приходим на речку купаться.

Пока ты одежды с себя совлекаешь,
смирненно руки твоей жду я,
но прежде ты губы свои подставляешь
охотно мне для поцелуя.

* * *

Разбухает сердце, как горошина,
потому ли, что пора настала, —
будет мое сердце в землю брошено,
чтобы новой жизни дать начало.

Я талант свой в почву плодородную
рано или поздно, но зарюю,
и составлю славу огородную
дачному поселку под Москвою.

Завтра Духов день, а нынче Троица.
Убедившись, что пустил я корни,
можешь за меня не беспокоиться.
Спать ложась, на окнах тюль задерни.

* * *

День понемногу начал хмуриться,
а вскоре капли дождевые,
огромные, как лапы курицы,
перекопают мостовые.

Дружок мой, закатавши брючины,
вброд перейдет ручей холодный,
и я замечу палец скрюченный,
как будто кран водопроводный.

* * *

Лупят, как по воробьям, из пушки
по протонам с электронами,
а у нас качаются макушки
сосен с горестными стонами.

Некуда крестьянину податься.
Может быть, из суеверия,
но, едва начнет смеркаться,
положу топор у двери я.

* * *

Почище камышовой дудки
влекут нас жаркие объятия,
тугие крохотные грудки,
пробившиеся из-под платья.

Вода дошла до подбородка,
боюсь слегка пошевелинуться.
А если поманит красotka,
рискую вовсе захлебнуться.

* * *

Сумасшедшая любовь мне больше нравится,
чем текущий кран водопроводный,
чем сантехник, что вот-вот в дверях появится,
как всегда, холодный и голодный.

Лучше целовать тебя мне в губы алые.
Чем смотреть, как мне он корчит рожи,
лучше буду рвать цветы я запоздалые,
что, конечно, не одно и то же.

* * *

Впал в смертный грех — унынью предался,
когда однажды раннею весною
у пойманного мною карася
чужой крючок нащупал за щекою.

Обломок рыболовного крючка —
на самом деле это только повод,
причина глубже — в теле червяка,
который на стальной крючок наколот.

* * *

Как перед Ангелом с небес
сошедшим, богомол на грядке
от страха умер, но воскрес,
и в лес умчался без оглядки.

Умерших к жизни возвращать
есть, без сомнения, — дар Божий:
весною розы оживлять,
в мороз прикрытые рогожей.

* * *

Жизнь вдохнувший в швейную машинку,
мастер полагает, что он Бог,
так как неисправную пружинку
заменить на новую он смог.

Он глядит во тьму из-за прилавка,
глубоко откинувшись назад,
перед ним букашка и козявка,
онемев от ужаса, стоят.

Тихо наши крылышки трепещут.
Из окон струится тусклый свет,
несмотря на то, что звезды блещут
в окруженьи множества планет.

* * *

Ухо приложив к груди моей,
музыку услышать можно разную,
грустную и чуть повеселей,
но безумно пылкую и страстную.

Возятся с больными доктора
исключительно из милосердия,
у кого-то в голове — дыра,
в брэнном теле — лишние отверстия.

Надо мной склоняются врачи,
для того чтоб лишний раз к прекрасному
приобщиться.
Лампы жгут в ночи,
месяцу не доверяя ясному.

* * *

На солнце и ветру твое лицо
чуть заострившись, стало тоньше прежнего,
недаром, утром выйдя на крыльцо,
тебя я принял за зверька потешного.

Смущало лишь отсутствие хвоста,
но не придал я этому значения,
как если б ослепила красота,
намеренно меня лишила зрения.

* * *

В Ангеле небесном усомнился,
посчитав, что я неуязвим,
но тотчас сучок в меня вонзился
острием заточенным своим.

Битый час над раной колдовала
в спальне медицинская сестра.
Иногда на крик мой прибегала
жадная до зрелищ детвора.

Те, что посмелей, вставали рядом,
мне в глаза стараясь заглянуть.
Было страшно весело ребятам.
Только больно не было ничуть.

* * *

Жаль, что поделиться было не с кем.
Но когда со станции я шел,
зайца, повалив ударом резким,
краснохвостый оседлал орел.

Одиночеством я тяготиться
начал больше прежнего, когда
закричавшая во мраке птица
вдруг умолкла раз и навсегда.

Я бы мог довольствоваться малым —
кружкой пива, парой сигарет,
если б я от жизни был усталым,
как ужасно старый-старый дед.

* * *

Сперва я прожил жизнь свою
и с чувством удовлетворения
поспешно взялся за твою,
не дожидаясь позволения.

Я настезь распахнул окно,
поскольку знал на личном опыте,
как страшно, сыро и темно
бывает утром в спальней комнате.

* * *

На рассвете, завернувшись в одеяло,
наблюдать, как проплывают облака,
разве этого для счастья так уж мало,
если нет вина и табака?

Бутерброды с колбасой не представляют
интереса для таких людей, как я,
если даже колбасу изготавливают
из высокосортного сырья.

Нынче чайным чашкам на столе не место.
Ветер дунет — станут чашки дребезжать.
От испуга в темноте моя невеста,
завизжав, ползет под кровать.

* * *

У нас несметное богатство
есть в частной собственности — сад.
Свобода, равенство и братство
тут на поверхности лежат.

Тут все принадлежит народу,
который составляем мы.
Мы пашем, сеем, носим воду
и жжем костры среди зимы.

Назло фашистским оккупантам
мы поднимает красный флаг.
Люблю ходить в петлице с бантом,
сорвав на клумбе алый мак.

* * *

Солнце по щекам у нас струится.
Мы надели золотые маски.
Словно Царства Древнего царица
юному царю, ты строишь глазки.

Молод царь, совсем еще ребенок.
Он спросонья щурится от счастья,
поутру мурлычет, как котенок.
У него особые пристрастья.

Нежные, как девичьи подмышки,
во дворце по саду бродят звери.
Леопард рычит.
Визжат мартышки.
Слон ушами шевелит в вольере.

* * *

Я пробирался дебрями глухими.
Вокруг меня клубился мрак кромешный.
Вода сошла, был сучьями сухими,
как будто бы костями, усеян дуг прибрежный.

За окуньком погнавшаяся щука
внезапно взмыла над водой, как птица,
но не хватило рыбе силы духа,
чтоб в самом деле в птицу превратиться.

Ее полет продлился лишь мгновение,
но за глаза мне этого хватило,
чтоб убедиться — рыбе оперенье
действительно на птичье походило.

* * *

Я до ужаса боялся темноты,
паука, сидящего на потолке,
что смотрел на нас с огромной высоты,
словно вождь, стоящий на броневике.

Злобно пялился на нас он сверху вниз.
Дико маленькими глазками вращал.
Проповедуя научный коммунизм,
криком на рабочих и крестьян кричал.

* * *

Я кормлю тебя плодами
своего воображения —
хлебом, булками, тортами.
Не скуплюсь на угощения.

Я сажу верхом на стуле,
обхватив руками голову.
Май, а жарко, как в июле.
Пыль летит по полю голому.

2010

Москва

